

Виктор Вальд

Только сняв маску палача, он сможет
стать собой...

Виктор Вальд — современный украинский писатель, мастер исторического романа в лучших традициях Вальтера Скотта и Умберто Эко. В своих произведениях автор максимально точно и реалистично передает атмосферу жестокого средневековья, с его дикими нравами и бытом. Честность, которая иногда шокирует, стала визитной карточкой писателя.

Палачами не становятся по своей воле. Но тот, кто однажды освоил это смертельное ремесло, обречен быть его вечным рабом. Гудо, ученику мэтра Гальчини, пришлось пройти через ад: ненавидимый всеми, с клеймом дьявола, он познал турецкий плен и гибель тех, кто был добр к нему. Но у хладнокровного мастера есть душа, которая жаждет простого человеческого счастья — объятий любимой женщины, семейного уюта. Хватит ли у него сил на то, чтобы избавиться от проклятия палача и остаться человеком?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4300-2

9 786171 1243002

Виктор Вальд

ПРОКЛЯТИЕ ПАЛАЧА

ПРОКЛЯТИЕ ПАЛАЧА

Виктор Вальд

**ПРОКЛЯТИЕ
ПАЛАЧА**

ХАРЬКОВ **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**
2018

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В16

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Юлия Маланьина*

ISBN 978-617-12-4300-2

- © В. Михайлов, 2017
- © Depositphotos.com / prometeus, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Пролог

Был 1352 год. Небесный факел парил в вышине.

Его наблюдали многие, многие о нем слышали и рассказывали другим как об увиденном собственными глазами. Милостью Божией пережившие чуму старики и старухи, которые пятнадцать лет назад созерцали растянувшийся на полнеба огненный хвост кометы, возликовали. Кара небесная за грехи, вольные и невольные, миновала.

Да, пока еще появлялись на грешной земле предвестники грядущих бед и несчастий.

Она содрогалась от нашествия невиданных ранее насекомых, странного вида червей, толстобрюхих жаб, диковинных хвостатых лягушек, множества жуков всевозможных форм, огромных черных листоверток, гигантских пауков и комаров самых невероятных, пугающих расцветок и очертаний.

Но все это никак не сравнимо с предвестниками черной чумы — великого мора!

А предвестники были преужаснейшие!

Проснувшийся на Сицилии вулкан Этна, покрывший серым облаком пепла юг Европы до самого Кипра. Снегопады и дожди, весь год поливавшие Францию и Германию. Повальный мор среди домашних животных. Полчища саранчи, покрывшие землю вплоть до Голштинии. Землетрясения, дважды за один год разрушившие тысячи домов в Ломбардии, Каринтии, Истрии, Швабии, Баварии, Моравии, Риме, Парме. Лютые холода, когда дикие звери, изгнанные из лесов бескормицей, нападали на людей, врываясь в их жилища, а что еще страшнее — выхватывали из рук матерей грудных младенцев.

Не пожелали тогда люди задуматься. Грех грехом седлали и грехом погоняли. Что ж, по делам их и воздалось! Закружила, завертела в смерче смертном черная чума. От души повеселилась...

Ползают по гигантскому кладбищу под названием Европа диковинные гады, летают в воздухе, пропитанном трупным запахом, громадные кровососы...

За грехи, за грехи, за грехи!

Пусть лучшие из людей, кого помиловал Господь, смотрят на это и помнят о каре Божьей и на земле, и в мире ином.

Вот только...

Разве сравним факел с горящим небом? Пережившие преужаснейшее падут ли на колени при виде мерзких жаб и жутких насекомых? Смуют ли черви тех, кто лицезрел ежедневно гниющие трупы родных, близких, друзей и соседей?

Лучшие из лучших...

Еще не выпроводив из собственных домов черную смерть, в слепоте человеческой глупости они вновь взялись за оружие. Горячая кровь обильно окропила бескрайние могилы, в которых без имени и памяти гнили жертвы великого мора.

Немногие живые, унаследовав богатства и имущество многих умерших, предались безумству пиршеств и убивающему человечность безделью. Молившие Господа на коленях о пощаде, едва миновала беда, вскочили на ноги и огляделись вокруг жадными глазами. Жадными до чревоугодия, насилия, разврата, богатства и власти.

Пережив гнев Господень и перетерпев муки смертные, человек остался человеком!

Ведь человек — это тело и душа. Болезней тела — неисчислимое множество. У души одна болезнь — ГРЕХ!

Это единственная болезнь, с которой рождается человек, и единственная болезнь которую он может вылечить собственной волей. Следует только обратиться к Господу за помощью!

Но...

Упавший встает и идет, плачущий вытирает слезы и смеется, нашедший воду — пьет, сорвавший плод — насыщается. Ущербность человеческая благодарна за это самому человеку. И гордыня распирает его. И желает он поступать не во благо душе, а в усладу телу, забывая главный закон бытия: «Как делал я, так и мне воздал Господь!»

Это есть сущность всего...

Глава первая

— Чума тебя проглоти, проклятая Венеция!

Эти слова стоило бы выкрикнуть в полный голос, но жизненный опыт, осмотрительность и (незачем скромничать) мудрость Джованни Санудо приглушили их до едва различимого шепота. Парчовые занавеси балдахина на корме галеры — это не толстые стены родового замка. Но и там, на острове Наксос, в центре собственного архипелага, он не позволил бы себе такую непростительную ошибку. Не позволит он этому свершиться и на борту собственной галеры. Ведь самые большие уши на земле у дожа Венеции. Они даже больше, чем у Папы Римского!

И все же он огляделся.

На море как раз опустилась тьма. Его свита, воины, гребцы и слуги спали. Или, по крайней мере, делали вид, что спят.

Так им велел Джованни Санудо — герцог Наксосский!

Только на носу галеры, прижатые к фальшборту лежащими на боевой платформе арбалетчиками, стояли несколько человек и смотрели туда, куда, скрипя зубами, то и дело бросал свой взгляд Джованни Санудо. Эти люди еще не осознавали, куда их направил венецианский сенат, и пока не знали, как суров и скор на расправу герцог.

Прибывшие с герцогом люди были об этом хорошо осведомлены и поэтому даже не смели поднять головы. Хотя и им наверняка хотелось взглянуть на впечатляющее зрелище — огромный костер на глади необычайно тихой лагуны.

Джованни Санудо осушил бокал великолепного вина своей родины, еще раз посмотрел на пожарище и, вздохнув, уткнулся подбородком в свою широкую грудь.

— Вина, — едва шевельнул губами герцог, и в тот же миг в его руке оказался другой бокал, до краев наполненный волшебным напитком.

Джованни Санудо бросил мутный взор на промелькнувшую рядом голову мальчонки, подавшего вино, и уставился на бокал. Тяжелое венецианское стекло играло в его руке множеством веселых огоньков. Как огромный бриллиант, бокал переливался гранями, наполненный внутренним огнем крепкого вина и мерцавшими по краям искорками. И огонь тот манил герцога и словно подмигивал ему, а искорки приводили его в бешенство. Ведь искорки эти, несмотря на огромное расстояние, отражали свет проклятого костра.

«Проклятый бокал. Проклятые венецианцы», — прошептал Джованни Санудо и, несмотря на хмельную тяжесть в теле, приподнялся с роскошного кресла.

Ничто не изменилось. Ни одна голова не поднялась, ни одно тело не шелохнулось. Вот только эти венецианцы на носу галеры все никак не находили себе места на досках платформы и продолжали стоять. А еще за высокой, богато украшенной резьбой и позолотой спинкой кресла возвышались два его ангела-хранителя в полном вооружении. Звали их Арес и Марс.

Джованни Санудо ухмыльнулся. Крепкое вино разогрело кровь и призывало к веселию. Или к противоположному проявлению своей силы — к философии. Но на поминках горящего корабля не приличествует скалить зубы. А философия... Ну какая философия может родиться в голове при взгляде на этих двух огромных, дышащих смертью воинов? Разве что ухмыльнешься удачному сравнению и выдумке.

Арес — бог войны у древних греков. Марс — его копия, только у римлян. Он же их сравнил с ангелами. Ангелы — верные слуги Господа. А тот гневается, когда людишки вспоминают о древних богах, которых никогда и не было. Просто Джованни Санудо, благодаря его любопытству и склонности к наукам, ведомо многое. Его острова хранят память веков о мудрых греках и предприимчивых римлянах. Поэтому он знает и о древних богах войны. Знает почти все. И даже о потомках этих богов.

Только у его личных, названных им самим Ареса и Марса потомков не будет, как и у их господина. И никто о них ничего не узнает, кроме того, что они преданы Джованни Санудо, как собственноручно выкормленные псы. И даже больше.

А почему? Но это уже не философия. Это уже тайна. А больше всего на свете герцог любил тайны. Наверное, так же, как самого Господа Бога. А еще золото, вино и оружие. А еще...

Еще Джованни Санудо до беспамятства любил свои галеры. И никакое вино было не в силах унять его боль при виде пылающей «Афродиты». Даже за тысячу шагов от проклятого костра Джованни Санудо слышал, как стонала огромная килевая балка, как кричали шпангоуты и рыдали доски обшивки. А еще мачты, паруса, канаты, весла... Вот только безмолвствовал огромный герцогский флаг из драгоценного пурпурного шелка, как и множество искусно вырезанных из ливанского кедра фигур тритонов, русалок, морских чудовищ, дельфинов и черепах, в изобилии украшавших галеру. И в полной тишине капала с них в холодные воды венецианской лагуны позолота.

Да, умеет мстить Венеция!

«И почему чума вас всех не сожрала, проклятые венецианцы?!»

Джованни Санудо вновь ухмыльнулся. Он проклинал тех, кем, в сущности, и являлся. Как ни крути и ни мудрствуй, но он сам был венецианцем, как его отец, дед и великий предок Марко Санудо, который сто пятьдесят лет назад отнял у ромеев¹ Кикладские острова в самом сердце Греческого моря² и провозгласил себя герцогом Наксосским.

Герцог попытался удобно устроиться в кресле, но сегодня даже мягкое сиденье не радовало его. Роскошное кресло великолепной венецианской работы только раздражало. Как и роскошный бокал из великолепного венецианского стекла. Удивительного стекла. Сказочного стекла со многими чудесными свойствами. Поговаривали даже о том, что если в бокал из такого стекла капнуть яда, он рассыплется на мелкие кусочки.

О, как желал Джованни Санудо, чтобы на его островах изготавлилось это стеклянное великолепие! Это была его

¹ Ромей — самоназвание жителей Византийской империи. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Греческое море — Эгейское море.

страстная мечта. Тогда он стал бы баснословно богат. И счастлив! И оставил бы множество суетливых и опасных затей, которые, впрочем, сделали герцога Наксосского состоятельным. Но не настолько, чтобы быть счастливым.

Однако Венеция умела хранить свои тайны и секреты. Никто из тех, кто не был назначен к тому сенатом Венеции, не смел ступить на остров Мурано под страхом немедленной казни. Только на этом острове (одном из более ста островов, на которых располагалась сама Венеция) днем и ночью пылала печи стекольщиков и совершалось чудо рождения стекла и зеркал. Но Джованни Санудо найдет способ проникнуть на охраняемый как зеница ока остров и похитит его тайны. Он был уверен в этом...

Впрочем... Еще в полдень он был уверен в том, что ныне пылающая «Афродита» отплывет на заре рядом с его флагманской галерой. Отплывет, нагруженная оружием, припасами, войском и золотом, с тем, что с готовностью предоставит герцогу Венеция.

«Афродита» пылала. Пылала сердце и мозг Джованни Санудо. Он с жадностью припал к бокалу с вином, желая осушить его до дна. Но этому не суждено было случиться.

Приглушенный звук удара в напряженной тишине заставил руку герцога замереть.

«Это на носу. Что-то ударило в нос моей галеры. О Господи, что это?! — Джованни Санудо вскочил. — Может, это Венеция решила добить меня. Она решила утопить мою гордость, мою любовь, мою “Викторию”!»

— Огня, огня! — раздались голоса с боевой площадки на носу галеры.

«Проклятые венецианцы! Как они смеют командовать на моем флагмане? Здесь только я имею на это право!»

Джованни Санудо с трудом оторвался от кресла, и, шатаясь, бросился по куршее¹ на площадку для арбалетчиков.

Заслышав тяжелые шаги герцога, воины на носу галеры тут же поднялись и бросились к бортам.

¹ Куршея — деревянный настил вдоль галеры, возвышающийся над гребцами, переход от кормы к носу.

— Что здесь? — гневно воскликнул Джованни Санудо.

— Кажется, лодка, — невозмутимо ответил один из посланников ненавистного венецианского сената.

* * *

«Ему наплевать на мою “Викторию”. Выбросить его за борт. Взять за горло и пояс. Одним рывком — за борт. И пусть плывет в свою проклятую Венецию, если он хороший пловец. Никто не смеет быть равнодушным, когда моему фламану грозит опасность!»

Эти раздумья герцога спасли глупого венецианца. Молния гнева сверкнула в голове Джованни Санудо и погасла. К тому же венецианец мог действительно оказаться хорошим пловцом. Тогда он предстал бы перед сенатом в мокрых одеждах и поведал хитроумным отцам Венеции о помешательстве герцога Наксосского. Можно было не сомневаться в том, что уже очень скоро его объявили бы умалишенным, и тогда его архипелаг, находящийся сейчас под покровительством республики Святого Марка, превратился бы в ее колонию.

«Как его имя? Кажется, он лекарь. Да, лекарь».

...Этим утром в зале большого собрания сенатор Пачианни, едва скрывая радость, в притворной печали кивал головой: «Враги скоро покусятся на ваш архипелаг, герцог. Ваши люди прольют много крови. Это печально! — Он закивал еще чаще. — Примите хотя бы малую помощь. У сената есть для вас несколько весьма полезных и благородных помощников. Надеюсь, они заслужат вашу благодарность своими непревзойденными умениями...»

— Юлий? — едва сдерживаясь, прошипел герцог.

— Юлиан Корнелиус, — с поклоном поправил своего нового хозяина лекарь.

Джованни Санудо тут же отвернулся от посланника Венеции и повис на фальшборте.

— Огня! — велел он, и тут же с двух сторон от него в темноту протянулись два факела. — Вот это да! Тащите эту проклятую лодку к борту! Комит¹, командуй!

¹ Комит — старший надсмотрщик над гребцами.

Как из-под земли, а точнее, из-под палубных досок, возник здоровяк Крысобою и дунул в свой бронзовый свисток, отчего у всех до боли зазвенело в ушах. Затем он взмахнул над головой огромным кнутом и громко щелкнул им по скобленным доскам боевой площадки:

— С первого по восьмое весло на правый борт! Лодку в абордажные крюки! И живее, крысиные выводки!

Тут же команду повторили два его помощника — подкомиты — и, спрыгнув с куршей, стали плетью, кулаками и ногами ускорять пробуждение гребцов. Но действовали они выборочно и с пониманием. За первыми четверья парами весел работали вольнонаемные гребцы, которые в силу своих привилегий спали за бортом, на скрещенных над водой веслах. На их плечи никогда не опускалась плеть. А вот с невольниками — маврами, турками и другими пленниками, прикованными от пятой до десятой банки¹, — не церемонились, не жалели ни своих рук, ни их тел.

Очень скоро весла втянули на палубу, а моряки абордажными крюками провели непрошеную ночную гостью к низкому борту.

Растолкав не успевших отклониться гребцов, Джованни Санудо повис над лодкой. То, что он желал увидеть, тут же осветили все теми же двумя факелами.

«Они всегда рядом и рады услужить мне. Мои бесподобные Арес и Марс», — на мгновение отвлекся герцог, а затем с интересом стал осматривать то, что посмело соприкоснуться с его «Викторией».

— Их преследовали пираты...

Джованни Санудо от такой наглости икнул. Опять этот паршивый лекарь смеет первым открывать рот!

— Все стрелы арбалетные и равной длины. Эту лодку обстреливали воины из одного отряда арбалетчиков...

Герцог опять икнул и медленно повернул голову вправо. Сказавший это был прав. Сенат прислал его, рекомендовав как знатока военных механизмов. Только как же его зовут?

— Не пожалели стрел для этих несчастных...

¹ Банка — скамья для гребцов.

А вот имя произнесшего это Джованни Санудо помнил. Пьянцо Рацетти. Великий знаток военных укреплений. Этот, пожалуй, мог понравиться герцогу. О нем властелин архипелага уже слышал раньше. Такие мастера — на вес золота. И как только сенат решился его отпустить?

Но все равно это не давало ему права говорить без разрешения Джованни Санудо. Эти венецианцы всюду ощущают себя как дома и едва ли не хозяевами. Люди с чувством собственного превосходства. Но ничего! У них еще будет время и возможность узнать, что такое превосходство герцога Наксосского! Пока следует присмотреться к этой троице и выяснить, кто из них будет доносить сенату обо всех делах Джованни Санудо.

А впрочем, зачем выяснять? И так понятно — все трое!

— Кажется, там женщина и дети, — сообщил взволнованный лекарь.

— Вот и посмотри — кто жив, а кто... — Джованни Санудо напрягся и после долгой паузы выдал: — *Diagnosis ex observatione*¹.

Даже вино не отняло у герцога его ученую мудрость. Чистая латынь — язык науки и священнодействия. Это не «вульгарная латынь»². «Заодно и проверим, какой ты лекарь. Не могла Венеция отпустить хорошего лекаря, когда чума еще бродит по городу. Может, твоя *Artium magister*³ выдана в тайных подвалах Совета десяти⁴», — ухмыльнулся Джованни Санудо и пристально посмотрел на молодого лекаря.

Тот не отвернулся, выдержав взгляд герцога. Он только покосился на своих венецианских компаньонов и с их молчаливого согласия ловко перевалился с борта в лодку. После долгого

¹ Диагностика посредством наблюдения (*lat.*)

² Народная латынь (*sermo vulgaris*) — разговорная разновидность латинского языка, распространенная в Италии, а позже и в других провинциях Римской империи. Именно народная латынь (а не классический латинский язык) является непосредственным предком романских языков.

³ Ученая степень в некоторых западноевропейских университетах, равная докторской.

⁴ Совет десяти — карательный орган Венеции, одной из главных функций которого был шпионаж.

осмотра он поднял голову и с усмешкой сказал, обращаясь к герцогу:

— *Diagnosis exjuvantibus*¹ в данном случае гласит: «Один мужчина мертв». И, как говорил мой наставник по медицине в славном университете Салерно, *contra vim mortis non est medicamen in hortis*². Второй мужчина, тот, что на весах, — *articulo mortis*³, и, боюсь, это *casus incurabilis* — неизлечимый случай. В его теле четыре стрелы. А вот женщина с младенцем и две девушки, кажется, не пострадали. Удивительно! В лодке стрел больше, чем иголок на еже.

— *Casus incurabilis* — неизлечимый случай... А ты вот возьми и излечи! — в раздражении выкрикнул герцог. — Слышишь! Я велю излечить! Венеция за тебя ручалась.

Затем Джованни Санудо повернулся к своему комиту по прозвищу Крысобой и строго велел:

— Проследи, чтобы лечил. Девушек и женщину — в твою каюту. Завтра взгляну на них. А ты сделай так, чтобы никто на них не смотрел и пальцем не тронул.

— А тот, который мертвый? — поклонившись, спросил Крысобой.

— Похоронишь, как брата родного, — злобно ухмыльнулся герцог.

Ему нестерпимо хотелось вина. Бокал. Нет, еще два. Может быть, два больших бокала заставят Джованни Санудо уснуть и завершат этот проклятый день.

Дай-то Бог.

Потревоженный осмотром лекаря, а затем напуганный громкими разговорами, взаллеб заревел младенец. Его крик тут же приглушила женская грудь. Мужчина на весах встрепенулся и приподнял голову.

— Живы... — еле слышно вымолвил он.

В ответ женщина тихо заплакала и положила голову на колени гребца.

Герцог пьяно хмыкнул и погрозил пальцем лекарю:

¹ Диагностика на основании пользы от лечения (лат.).

² Против силы смерти в садах нет лекарств (лат.).

³ Одной ногой в гробу (лат.).

— Слышал? Он жив! А ты говоришь, одной ногой в гробу! Лечи! Хочу услышать от него, по какой причине их так яростно атаковали.

— Похоже, на это есть кое-какой ответ, — склоняясь над мертвецом, загадочно произнес лекарь. — Кажется, я узнаю убитого...

— Ну и?.. — с кривой усмешкой спросил Джованни Санудо.

— Пусть еще взглянут на него мои друзья венецианцы... Но пожалуй... Мне кажется, это Анжело — личный секретарь дожа нашей славной Венеции Андреа Дандоло.

«Одним проклятым венецианцем меньше, — внутренне возликовал герцог Наксосский. — За это нужно выпить!»

Но его злорадства не должны были видеть другие, тем более три венецианских посланника. Джованни Санудо с трудом взобрался на куршею и направился в свою роскошную беседку на корме галеры.

— Герцог... Великий герцог! Оставьте надлежащие распоряжения! Если это секретарь великого дожа, то нужно сообщить дожу и Совету десяти! Это ужасное преступление против республики Святого Марка!

Но на все эти возгласы венецианцев Джованни Санудо, не оборачиваясь, неопределенно махнул рукой. Ему нестерпимо хотелось выпить бокал вина. А лучше два...

* * *

— Мой друг, в интересах нашей славной Венеции ты должен вытащить с того света этого человека. Ты должен. Если нужна наша помощь и поддержка... во всем располагай нами!

Юлиан Корнелиус медленно поднял голову и кисло улыбнулся. Чем может помочь в медицинском вопросе Пьянцо Рацетти? Говорят, он прекрасно разбирается в том, как из камня, дерева и земли возвести неприступные крепости. Это у него от Бога. Но в данном казусе лучше бы ему иметь целительский дар от Всевышнего. Да и от Аттона Анафеса, третьего венецианского посланника, не приходилось ждать разумного совета в столь сложном вопросе, как залатать внутренности человека. Ему, знатоку военных машин, были

известны тысячи способов разрушить, разорвать, испепелить, стереть в пыль человеческое тело. Но как вернуть в него душу, воспламенить и оживить, он, скорее всего, не знал. Может, поэтому и молчал.

— Мы должны первыми допросить этого свидетеля. Я пытался говорить с его женщиной и с девушками, но они или слишком напуганы, или не понимают венецианского словосложения. У нас нет возможности вернуться в Венецию и оповестить Совет десяти об этом преступлении. Проклятый комит подпер спиной двери этой каюты, а его помощники зорко следят за каждым нашим шагом. Ты уж постарайся, Юлиан Корнелиус. Венеция тебя отблагодарит! Утром мы внимательно осмотрим труп. И если это действительно Анжело... Герцог Санудо еще пожалеет о том, что не проявил внимания к столь щекотливому делу

Последние слова Пьянцо Рацетти произнес шепотом, дважды оглянувшись на дверь.

16

* * *

Лекарь, затягивая и с ответом, и с делом, к которому его призывали, медленно осмотрел тесную каюту. Три шага в длину и четыре в ширину. Все это пространство, чуть побольше могилы, заполняли мотки веревки, такелаж и всякая всячина, покрытая досками и тощим тюфяком, служившим кроватью для мрачного комита по прозвищу Крысобою.

Мгновением раньше палубные матросы бережно сняли с тюфяка Пьетро Ипато, капитана пылающей «Афродиты». Тот желал сгореть вместе с вверенной ему галерой. Герцог проявил невиданное для него милосердие. Он приказал связать и мертвецки напоить капитана. Впрочем, их объединяли долгие годы доверенного общения и тайны многих дел.

Теперь на тюфяке лежал крупный мужчина, до дикости обросший волосами и бородой. Но на его лицо Юлиан Корнелиус взглянул мельком. Так же, как и на торчащие в его теле стрелы и тугие повязки, почему-то расположенные выше ран. Взгляд лекаря медленно скользил по доскам стен и потолка каюты. Этот взгляд с готовностью останавливался на каждом крюке, на котором висели цепи, плети, одеж-

да и мешки Крысобоя, все то, что нужно было комиту для работы и жизни на галере.

Юлиан Корнелиус с удовольствием осмотрел бы и стену, и дверцу в стене. Но в спину ему дышали Пьянцо Рацетти и Аттон Анафес. Дышали и ждали. Горячо дышали. С нетерпением ждали.

— Друзья, — едва слышно выдавил из себя лекарь, — мне нужны еще два светильника, горячая вода и мои лекарские принадлежности...

— Да, да! — с готовностью выкрикнули оба стоящих за спиной венецианца и поспешно вышли за дверь.

Оставшись наедине с раненым, Юлиан Корнелиус вдохнул полной грудью. Но это ему не помогло. Голова сама опустилась, а руки сложились в молитвенном жесте:

— Я не знаю, как зовут тебя, человек. Я дам тебе имя — Варвар. Так древние римляне называли всякого бородатого человека¹. Это имя будет с тобой до тех пор, пока ты не умрешь. А умрешь ты скоро, я знаю. Ведь никто не в силах тебе помочь. Особенно я. Я помолюсь за твою душу. Этому я точно учился.

Юлиан Корнелиус закрыл глаза и стал шептать молитвы. Он вдохновенно произнес *Pater noster*², *Ave Maria*³ и уже заканчивал *Anima Christi*⁴. Заканчивал вечными словами, что успокаивали душу умирающего: «В час смерти моей призови меня. Прикажи, чтобы я пришел к Тебе и с Твоими святыми пел хвалу Тебе во веки веков». Оставалось только сказать «Аминь», но это слово произнесено не было.

— *Quis tu sis?*⁵

Юлиан Корнелиус вздрогнул и открыл глаза. На него смотрел тот, кого он провожал в лучший мир.

— Я... лекарь, — вдруг перешел с латыни на венецианский Юлиан Корнелиус.

— Ненавижу лекарей, — по-венециански, но со странным протяжным акцентом произнес умирающий.

¹ *Varbarus* — бородатый (лат.).

² Отче наш (лат.).

³ Радуйся, Дева Мария (лат.).

⁴ Душа Христа (лат.).

⁵ Ты кто такой? (лат.)

Юлиан Корнелиус понимающе кивнул, но тут же встретился и сказал:

— Мне приказали тебя вылечить. Это важно!

— Да, это важно, — хрипло ответил раненый. — Спасите мою жизнь, и Господь ответит вам тем же добром, и даже большим. Я уже произносил однажды эти слова. Другому лекарю. Пусть он живет и помнит, что его единственное проявление добра спасло ему жизнь. Помогите!

— Если бы я мог... Если бы не *casus incurabilis*... У меня не было такого...

— «Неизлечимый случай». У каждого лекаря это впервые. И если он лекарь...

— Если... — едва вымолвил Юлиан Корнелиус и тут же громко добавил: — Если Господу будет угодно.

— Вы сможете. — Умирающий крепко схватил лекаря за руку. — Я помогу вам. И себе! Этой ночью вы многое узнаете о ранах и человеческом теле... И...

Дверь со скрипом отворилась, и в ее проем втолкнули среднего размера деревянный сундук, на котором горели два безопасных светильника.

— Скоро согреется вода, — сообщил голос за дверью, и ее тут же прикрыли.

Раненый с трудом приподнял туловище:

— Подложите мне под спину этот мешок. Теперь под ноги тот. Нет, больший. Раненому в живот лучше находиться в полусидячем положении. А ноги... Потом объясню. Я должен отдохнуть. Возможно, усну. Но как только принесут воду, прикоснитесь пальцем к кончику моего носа. Мне нужно вернуться в подземелье... К мэтру...

Последнее слово лекарь Юлиан Корнелиус не расслышал. Но он был рад тому, что раненый потерял сознание и никто его больше не тревожил и не призывал к действию. Он бы и сам с удовольствием улегся рядом с этим «варваром» и предался сну.

Но в спину ему по-прежнему горячо дышали Пьянцо Рачетти и Аттон Анафес.

Хуже того, за спинами этих двух истинных патриотов раскаленной лавой дышала Венеция!

И зачем только Юлиан Корнелиус признал в трупe секретаря дожа? Лучше бы лекарь этого не делал. А еще лучше, если это просто ошибка.

* * *

Но он не потерял сознание. Это не могло, не должно было случиться.

Он знал, что такое боль. Может быть, единственный среди живущих, который знал о боли все. И он точно знал — большинство раненых умирали лишь потому, что не знали, что такое боль. Их тела дрожали и погружались в ужас, когда расходилась кожа, рвались мышцы, ломались кости и вываливались внутренности. Их мозг, ошпаренный болью, отказывался понять ее причину и снимал с себя всякую ответственность перед каждой частью тела...

«...За все, что происходит с телом, ответственен мозг! Вот смотри. Внимательно смотри! Это мозг человека! То же находится и в твоём черепе, Гудо...»

Нет, он не потерял сознание. Он только вынужденно вернулся туда, куда в последние четыре года постоянно мысленно возвращался. И каждый раз с отворачиванием и... с благодарностью. Боль обратилась к сознанию, сознание к памяти. А та охотно, с кривоватой улыбкой, отворила дверь своего лабиринта.

Направо, налево, вверх, вниз, опять направо... И через каждый шаг — двери, двери, двери... А вот и та, за которую просились. Она отворяется. Медленно, как прошедшая жизнь, и так же мгновенно, как она пролетела. Она уже открыта. Она приглашает бездной тьмы и ледящим холодом.

Но он знает: стоит сделать шаг, и окажешься в желанном месте и в нужное время. Желанное и нужное... Только эта бездна тьмы и ледящий холод.. Как жутко, неприятно и страшно возвращаться к пережитому, к тому, что было назначено Господом за грехи и определено сатаной за них же!

Подземелье правды. Мрачное подземелье для пыток и казни человека человеком. Место, созданное людьми как прообраз, как догадка о том, что ожидает грешников в аду. А если человеческие пытки и истязания — просто щекотка

по сравнению с сатанинскими муками ада? А почему «если»? Так ведь и есть! Вот он — ад на земле для грешников.

И придумал его, и правил в нем сатана в человеческом обличье, мастер пыток и казней — мэтр Гальчини. И он же — равный Богу врачеватель. Великий человек и омерзительное чудовище! Отнимающий и дарующий жизнь! Место его в аду и... в памяти его единственного ученика. Ученика, с обличьем, на которое нельзя было смотреть без содрогания. А имя ученика — Гудо!

Вот он, Гудо. Вот он, мэтр Гальчини.

Их разделяет узкий стол, на скобленных досках его возлежит серо-голубая горка, в петлях и извилинах которой еще недавно бродили мысли и желания.

Голос мэтра Гальчини горячий. Говорит он взахлеб. Таким учитель бывает в те часы обучения, когда предмет науки вызывает у него самого искреннее восхищение.

— Ты уже видел мозги человека. Я знаю, ты крошил человеческие черепа и наблюдал, как из дыр вытекает серая с кровью каша. Тогда ты смотрел на это в лучшем случае с безразличием. Откуда тебе было знать, что это не просто мозг животного, который ты любишь поджаренным с чесноком и луком. Это разум, который выделяет человека из животного мира.

— Я не ел человеческих мозгов. Ни сырых, ни жареных, — с обидой произнес ученик.

Слова Гудо веселят учителя. Он сегодня пребывает в отличном расположении духа, что случается редко. Старый епископ Мюнстера, считающий себя хозяином Подземелья правды, отправился в Рим по делам веры. Путь туда долг, и обратно не ближе. Так что полгода мэтр Гальчини ни с кем не будет делить, даже условно, свою власть над созданным им земным адом.

— Ладно, ладно... В жизни иногда бывают неожиданные повороты... Как знать! Но бараньи или коровьи мозги ты ел, и с удовольствием! Человеческие по вкусу им не уступают, даже... — Учитель закашлялся, затем широко улыбнулся. — У древних философов есть упоминание о племенах, у которых особой удачей считалось съесть мозг врага, чтобы овла-

деть его мудростью и силой. Но это неправда, уж я-то знаю. А сейчас я хочу рассказать тебе о твоём же мозге, который, как божий ангел, всегда с тобой и спасает тебя от любых бед. Спасает, если правильно обращаться к нему. Мы уже говорили о философах. Ты помнишь, кто они?

Конечно же, Гудо намертво запомнил, кто они такие, философы. Запомнил, после того как четверо суток провел без воды и хлеба. Это учитель посчитал самым верным способом для того, чтобы вдолбить в чудовищно огромную голову Гудо самое светлое и чистое из необъятных знаний мэтра Гальчини.

— Философ — это человек, жаждущий мудрости!

— Именно! Жаждущий! Как ты четыре дня жаждал пищи и воды. Достигший вершины мудрости видит не только то, что вокруг него, но самое главное — он видит, что есть внутри него самого! А это значит, что он способен жить, сколько пожелает! — Учитель на мгновение закрыл глаза и блаженно улыбнулся. — Ты еще пока не понимаешь, как тебе сказочно повезло. Но вернемся к этому величайшему дару Божьему. В философии сознания различают понятия «разум» и «мозг». Указывают также на взаимопроникновение мозга и таких понятий, как сознание, разум, рассудок, дух, душа и память. Об этом мы еще будем говорить. Сейчас хочу сказать вот о чем. Ты помнишь, как определять повреждения внутренних органов со слов тех, кто ранен или покалечен? Хотя бы некоторые.

— Это... Это... Если повреждена печень — боли в правом подреберье с толчками в правое плечо. Травма селезенки сопровождается слабостью, головокружением, болями в левом подреберье, отдающимися в левой половине шеи, ключице и плече. Рвота с кровью говорит о повреждении желудка и...

— Достаточно. Все-таки мне удалось запихнуть в твою омерзительную голову важное и нужное. Теперь затолкаем туда и твоего собственного ангела-хранителя. Надеюсь, это мне удастся. Призвав его, ты сможешь бродить по собственным внутренностям и видеть их, как сейчас видишь меня. А начнем мы с боли. Именно боль учит и приучает мозг! Многие виды боли ты уже испытал на себе. Теперь мы будем учиться ею владеть...

...О, как холоден палец этого венецианского лекаря! Этот холод гудящим сквозняком вытащил Гудо из лабиринта памяти и закрыл за ним дверь, за которой страдания и знания слились в одном теле.

* * *

— Я запомню — прикосновение к носу раненого возвращает ему сознание.

— Нет, лекарь, это не нужно запоминать, — тихо ответил Гудо. — Вода закипает?

— Я бы не решился опустить в нее руку.

— Хорошо. Позвольте взглянуть на ваши лекарские принадлежности.

Юлиан Корнелиус вспыхнул:

— Еще чего!

Но тут же жаром на него пахнула Венеция. Лекарь тяжело вздохнул и поднял крышку сундука. Освещая содержимое безопасной лампой, лекарь затараторил:

— Здесь все, что нужно лекарю с университетским образованием. Вот листы бумаги, на которых изложены важнейшие диспуты о толковании текстов античных и некоторых арабских врачей. Гиппократ, Цельс, Гален, Авиценна... А еще рецепты лекарств. Не все, конечно. Важнейшие из них хранятся в моей голове. В этих мешочках целебные травы. Их названия вряд ли тебе понятны, как и то, что, смешивая их в разных пропорциях, можно изготовить и лекарство, и яд. Здесь полезные телу минералы и соли. Это ступка для растирания. Это колбы с насечками для дозирования. А вот это клистир. Видишь — медная трубка с воронкой. На конце трубка запаяна, и в ней проделаны отверстия. Этот конец вставляется в анус на две-три ладони, и через воронку больному подается лекарство. Это очень действенное средство, так как желудок человека, эта маленькая печка, чаще всего сжигает полезное свойство лекарства. А через низ живота лекарства попадают в тело со всей своей целебной силой. Также через клистир можно кормить больного. Но я не думаю, что тебе это важно знать. Это дела ученые. Ах, да! Этот сосуд называется уржария.

В нем собирается моча больного. А она, как известно, играет главнейшую роль в определении недуга и того, как лечить болезнь. Что еще... Вот баночки с целебными мазями. Амулеты, освященные Церковью. А также разное, что имеет научное название, доступное для понимания только дипломированным лекарям.

— Значит, ни ножей, ни пил, ни зажимов, ни воротов, ни кусачек, ни клещей, — печально произнес раненый.

Юлиан Корнелиус выпрямился и выпятил грудь:

— Я доктор медицины с дипломом Салернского университета, а не какой-то ремесленник, хирург или цирюльник!

— Простите, лекарь. Я не желал вас обидеть. Только вот мои раны... Здесь без низшей медицинской помощи хирурга не обойтись. Стрелы нужно извлечь, а раны закрыть.

Юлиан Корнелиус вздохнул:

— Я же говорил, *casus incurabilis*. Я вообще не пойму, почему ты до сих пор жив. Эта стрела в животе... Она так глубоко вошла... Ее невозможно извлечь, если не рассечь всю брюшину. А это скорая смерть! Еще стрелы в ноге, плече, предплечье. Даже если стрелы извлекают сразу после ранения и раны обрабатывают, то едва ли каждый второй доживает до следующего утра. От стрел кровь становится черной и убивает человека. Я слышал, что английские лучники, чтобы сделать свои стрелы смертоносными, перед выстрелом вонзают их в землю...

— И не только, — скрипнул зубами раненый. — Я готов. Нужно вытащить стрелы.

— Я... Я могу попробовать вырвать их из твоего тела. Раз уж это так необходимо Венеции. Что ж, я готов на время стать ремесленником и поработать руками.

— Нет, лекарь, это не поможет. Я уже осматривал одну такую стрелу. Ее наконечник не слишком крепко сидит на древке. Для прочности он посажен лишь на пчелиный воск. Те, кто стрелял в нас, и не думали вновь использовать эти стрелы. К тому же... Только на учебных стрелах наконечники крепко соединены с древком. На войне важнее, чтобы было невозможно вытащить смертельное жало стрелы.

— Да, да... Мне это известно. Хирурги и цирюльники погружают в такую рану щипцы и захватывают острие. Но у меня нет подобных инструментов. Хотя я думаю, на галере что-то найдется.

— Та женщина... и девушки, что были на моей лодке, они здесь? Рядом?

— Думай о себе, — сердясь, произнес Юлиан Корнелиус. — Ты истечешь кровью и... Странно, но что-то из твоих ран не так уж и сочится кровь. Или у тебя ее просто не осталось!

— Это повязки...

Но лекарь с нетерпением перебил больного:

— Какой же злой человек крепко наложил повязки не на саму рану, а возле них? Что за чудовищное невежество! Что за глупость, граничащая с преступлением!

— Эти жгуты остановили кровь, — тихо вымолвил раненый.

— Еще одна глупость! — в раздражении выпалил лекарь.

— Кровь пульсирует по сосудам, и если пережать крупные сосуды...

— И какой же глупец тебе это сказал? — качая головой, с кривой усмешкой спросил Юлиан Корнелиус.

Гудо на мгновение прикрыл глаза...

...Глупец... Глупец — великий Гальчини! Его можно было назвать как угодно, но только не глупцом!

Бывало такое в процессе многолетнего обучения, что мэтр не говорил, а показывал на самом наглядном пособии — человеческом теле! Живом человеческом теле!..

Гудо так же, как и лекарь, покачал головой, но от кривой усмешки воздержался.

Несмотря на пережитое и ужасные раны, на которых было крайне необходимо сосредоточиться, бывшему ученику Подземелья правды вдруг назойливо представилась невозможная картина. Столб, к которому привязан очередной несчастный, попавший в звериные лапы мэтра. Сам Гальчини возле него с набором ножей, заточек и жгутов. А также множество ученых мужей и студентов, расположившихся на ярусных сиденьях вокруг жуткого зрелища.

И действие началось!

Літературно-художнє видання

ВАЛЬД Віктор

Прокляття ката
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 02.11.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 26,04.
Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВАЛЬД Виктор

Проклятие палача
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 02.11.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Катами не стають за власним бажанням. Проте той, хто одного разу опанував це смертельне ремесло, приречений бути його вічним рабом. Гудо, учню метра Гальчині, довелося пройти кризу пекло: ненависний усім, з тавром диявола, він спізнав турецький полон та загибель тих, хто був прихильний до нього. Та в холоднокровного майстра є душа, яка прагне звичайного людського щастя — обіймів коханої жінки, родинного затишку. Чи стане йому сил позбавитися прокляття ката та залишитися людиною?

Вальд В.

В16 Проклятие палача : роман / Виктор Вальд. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 496 с.

ISBN 978-617-12-4300-2

Палачами не становятся по своей воле. Но тот, кто однажды освоил это смертельное ремесло, обречен быть его вечным рабом. Гудо, ученику мэтра Гальчини, пришлось пройти через ад: ненавидимый всеми, с клеймом дьявола, он познал турецкий плен и гибель тех, кто был добр к нему. Но у хладнокровного мастера есть душа, которая жаждет простого человеческого счастья — объятий любимой женщины, семейного уюта. Хватит ли у него сил на то, чтобы избавиться от проклятия палача и остаться человеком?

**УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)**